

ДОЛГОЕ НАСТОЯЩЕЕ

«Тихий» бестселлер 1991 года

Независимая газ. — 1993. — 29 июня. — С. 7.

Ирина Анистратова

Зеркало

ВЫХОДИТ вторая книга ваших дневниковых записей «Долгое будущее». Обстоятельства ее издания для сегодняшнего дня уникальны. Начиная с первой, с перевода «Любовника леди Чаттерлей» Лоренса, который вышел в издательстве «Петрополис» в Германии, трудно поверить — в 1932 году, история появления каждой из ваших книг отражает черты своего времени.

— Эту книгу я переводила в идеальных условиях, на Мальорке, куда в 1931 году мы уехали с русским скульптором Дмитрием Цаплиным, ставшим в Париже моим мужем. Сняла комнату для работы у самого моря и переводила взахлеб. Потом в Париже я пришла в русский книжный магазин Поволоцкого на левом берегу Сены. Я знала хозяина, который иногда выходил к посетителям, беседовал, знакомился. Рассказала Поволоцкому о сделанном переводе. Он помог мне найти машинистку. Когда рукопись была готова, сказал, что передаст ее в издательство «Петрополис» — оно печатало в основном книги русских эмигрантов — и что он рад и приветствует книгу всей душой. Смешно, что потом по русскому Парижу даже ходила слухи, что Лоренс написал эту книгу обо мне и Цаплине: он — лесник Мэллери, а я — Кони. Это было, конечно, не так. Переводя ее, я должна была писать уже к душераздирающему Лоренсу, тоже знаменитому английскому писателю Хаксли. Он одобрил мой перевод. Его письмо с другими драгоценными документами было конфисковано у меня при аресте в 1947 году.

— Вы очень хотели вернуться в Россию?

— Я страшно тосковала по родине. Дочь родилась в Париже, я хотела, чтобы второй ребенок, которого я ждала, родился в России. Шел 1935 год. Я покинула Россию девятнадцатилетней. И 14 лет прожила вне ее, шесть из них — в Соединенных Штатах. Трижды навещала родных. После 1930 года на пути из России (в Париже) решила не возвращаться в Нью-Йорк. Я не могла ужиться там. И к книге Лоренса меня подтолкнуло возмущение ханжеством американцев.

— А к следующей? Ведь ваш перевод «Женщины в белом» Уилки Коллинза вышел после большого перерыва, кажется, лет в двадцать.

— В 1954 году я взялась переводить «Женщину в белом», когда жила у мамы в Орджоникидзе. После лагеря мне было запрещено возвращаться в Москву. Эта книга рассказывала историю человека, воскресшего трудом. Можно ли напечатать сегодня, что я считаю труд величайшим благом и естественной потребностью человека? За десятилетия террора отношение к нему было извращено, и труд опорожен. После почти года одиночки в Лефортове труд стал для меня спасением в Воркуте. Что до остального... Я и на воле знала, что самый отвратительный грех — это зависть. Денос, например, тоже зависть. На Востоке считают, что зависть и рев-

Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина — певица, актриса, переводчица, писательница. Знаменитый роман Лоренса «Любовник леди Чаттерлей», запрещенный в Англии, в ее переводе на русский язык увидел свет тридцатью годами раньше, чем в своем туманном отечестве. Было это, правда, в «другой» России — в эмиграции. Оказавшись восемнадцать лет в Соединенных Штатах, Татьяна Лещенко окончила факультет журналистики Колумбийского университета. Несколько лет играла в знаменитом в ту пору нью-йоркском экспериментальном «Нью-Плейрайт тизтр». Своими переводами она открыла для России Жоржа Сименона и неувядаемую «Женщину в белом». Московской художественной среде она известна как муза выдающегося скульптора Дмитрия Цаплина. Явлением почти утраченной культуры назвала дневниковую книгу Татьяны Лещенко-Сухомлиной «Долгое будущее» (1991 г.) парижская русская пресса, отечественная же не помянула ни словом.

Т. И. Лещенко-Сухомлина на концерте в Музее им. Пушкина. Ноябрь 1988 г.

ность — ее разновидность — особенно губительны для человека. Я сталкивалась с ней, но знала и другое. Благородство, великодушие. Когда я отослала перевод «Женщины в белом» в Москву, мне ответили, что он произвел впечатление. Выходу моего перевода помог Корней Иванович Чуковский, от чьего мнения в издательстве многое зависело.

— Спустя несколько лет вы познакомили читателей с первой на русском языке книгой Сименона.

— На первый для меня концерт в консерватории после лагеря, узнав о моем возвращении, прислал билет Борис Леонидович Пастернак через Ирочку, дочь Ольги Ивинской. Был юбилей Шостаковича. Провожал меня с концерта Василий Васильевич Сухомлин. Он жил в Москве недавно. Член ЦК партии эсеров, он вернулся в Россию после смерти Сталина, в 1954 году. У него было блестящее прошлое европейского международного корреспондента. Здесь он стал собственным корреспондентом французской газеты «Либерасьон». Каждый день по телефону из Москвы он передавал свои материалы в Париж. Мы поженились. В свой приезд в Москву году в шестидесятом главный редактор «Либерасьон» привез мне книгу Сименона «Президент». Д'Астье де ла Вижери был другом де Голля, героем Сопротивления. Женат он был, кстати, на Любе Красной. Он предложил мне, если я возьмусь переводить «Президента», завтра же поехать с ним в издательство «Иностранная литература», где у него выходила книга. Он представил меня главному редактору и обещал написать предисловие к переводу. Все прошло удивительно легко, со мной тут же заключили

договор. Я с наслаждением переводила «Президента». Но главный редактор поместил предисловие Д'Астье де ла Вижери к моему переводу в сборник «Желтый пес». Я была глубоко разочарована, надеясь, что «Президент» Сименона выйдет отдельной книгой.

— Именно выход «Президента» положил начало вашей дружбе с Сименоном?

— До него дошли отзывы о переводе, он написал письмо с просьбой прислать ему экземпляр. Потом Жорж Сименон пригласил меня в Швейцарию. Я всегда путешествую с гитарой. Он любил слушать, как я пою русские романсы.

— Об этих встречах и многих других можно прочесть в вашей книге «Долгое будущее», вышедшей в 1991 году в «Советском писателе». Вы ведь, кстати, не были членом писательского союза?

— Нет, я член Литературного фонда. Помните извещение о смерти Пастернака: «...член Литфонда». О союзе там не было ни слова. Когда на последнем моем концерте в Доме литераторов прямо спросили об отношении к этому дому, я ответила, что здесь творилось много зла. Не так давно писатели сожгли даже чье-то чучело! Мне такая ненависть непонятна, как и антисемитизм. В детстве ни в нашей семье, ни в окружении не было предрассудков национальных или социальных. Господи, да я пела в бараче среди воров и проституток, пела с наслаждением! Мога бы петь на улице, по вагонам, для одного человека — как для самой избранной аудитории. Какие письма я получаю после выхода «Долгого будущего» от читателей!.. В них много горя, но нет озлобления.

— Ваша книга «Долгое будущее» стала «тихим» бестселлером 1991 года. Помню, как она мгновенно исчезла с книжных прилавков...

— С самым последним ее экземпляром, проданным в русском книжном магазине в Нью-Йорке, вообще связана история паразитической. Со времени выхода здесь о ней не упоминали ни разу, только парижская «Русская мысль» откликнулась обстоятельной рецензией да в нью-йоркском «Новом русском слове» появилась статья о книге и обо мне. Несколько строк там касались известного журналиста и писателя Луи Фишера. Через месяц им позвонил сын Луи Фишера. Виктор Фишер прочел статью и купил тот последний экземпляр в нью-йоркском магазине. Луи Фишер был одним из первых американских корреспондентов в СССР, писал для «Нью-Йорк таймс». В 1936 году был выслан отсюда. Я встречалась с ним в России и в Европе. В 1940 году он написал книгу «Сталин и Гитлер», позже биографию Ганди, по которой в Англии был снят тот знаменитый фильм. Ему принадлежит, как считают, самая объективная книга о Ленине. В 1965 году она получила национальную премию США. Его сын Виктор родился в России, с 1949 года живет в Анкоридже, вице-президент университета Аляски. Весной 1992 года Виктор собирался в Москву. Прочел «Долгое будущее» и хотел встретиться с Иваном, моим Луи Фишера сыном.

— Паразитично. У «Долгого будущего» есть и литературное продолжение: выходит вторая часть этой книги.

— Да, уже в июне. Я готовила продолжение книги для «Советского писателя». Но редактор сказал, что если книга и выйдет, то не раньше, чем года через два. Я затосковала. И вот однажды в ноябре раздался телефонный звонок, и знакомый мужской голос сказал буквально следующее: «Я говорил с президентом нашего «Кредо-банка», мы будем издавать вашу книгу. Мы хотим сохранить и возродить нашу русскую культуру — вы часть ее, Татьяна Ивановна!» Я была ошеломлена. Я была приглашена на концерт оркестра под управлением Михаила Плетнева, спонсором которого является также «Кредо-банк». Президент банка Юрий Васильевич Агапов меня победоносно очаровал. Даже в силу своего возраста — ему 35 лет — он человек новой формации, не знавший страшного периода сталинщины в России... Моя книга печатается в Петербурге. Меня никто не ограничивал, я могла писать все, что хочу. Вместе со стотысячным тиражом продолжения «Долгого будущего» выйдет и книжечка моих стихов.

— Вы продолжаете свои литературные труды сегодня?

— Пишу дневник, как всегда. И заканчиваю перевод книги Сименона, которую он мне подарил в последнюю нашу встречу в 1985 году с пожеланием, чтобы я перевела ее. Делаю это в память о нем и о том страшном и трагическом, что пришлось пережить России. Чему Жорж Сименон был свидетелем на короткое время, об этом мало кто знает. Мои великолепные меценаты собираются издать эту книгу.

29.06.93, 2
Лещенко-Сухомлина Т.И.